

ВЕПЕТ

СКАЗ ВТОРОЙ

МЕЧ ОСЬМИСЕРДЬЯ

АНДРЕЙ КРЕСС

Андрей Кресс

Велет: Меч Осьмисердия

<https://litres.ru/73994904>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рейм продолжает свой путь, уходя всё дальше от родного дома, где его никто не ждет. На этот раз компанию ему составит не только исполинская лиса, но и Мирина — княжна Верхолесья. У них один путь, но разные цели: он должен узнать о судьбе наставника, заменившего ему отца, она — вернуть семью, которую почти потеряла.

И пока юные беглецы движутся на юг, тьма над Миридаром продолжает сгущаться; заговорщики начинают действовать, а монстры таятся в тени, выжидая момент для удара.

Содержание

I	4
II	14
***	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Кресс

Велет: Меч Осьмисердия

I

Он был слишком молод, чтобы управлять целой ордой объединенных кланов, но горячая кровь Умай-эне, растекающаяся по его жилам, компенсировала любой недостаток возраста. Асвар Ганбаатар получил божественный дар еще при рождении. Когда он появился на свет, сами ветра степей прошептали его имя и наделили волей Матери Свободы. Тотемные шаманы родного племени предвещали ему великую судьбу, но даже они не могли помыслить о таком безрассудстве, как общеклановое единение. Тем не менее это случилось.

Когда Ганбаатар созвал ханов для оглашения своих идей, лишь немногие восприняли всерьез слова юного вождя. Ему пришлось завоевывать их положение силой и сталью. Спустя несколько весен, на очередном созыве в воздухе витали совершенно иные мысли и слова, которые теперь решительно выступали за объединение. Лишь клан Род Кха-Дар и хан северных жеребцов клана Зар-Гхор не согласились принимать нового асвара. Они до последнего момента отказывались верить в божественное покровительство самой Матери Свободы, повелительницы гор, степей и ветров. Задеревенелые слепцы, не более. Да примет мать-земля их раздробленные кости.

Довольно скоро после общего признания Ганбаатара новым Великим Асваром, к нему прибыл гонец от зажиточных людей с центральных земель. Некий Савелий Верхович. Асварохи не понимали тяги этих жителей к самозапиранию в свои деревянные клетки, а потому относились к ним с пренебрежением и даже некоторым отвращением. Однако неприкосновенность посланника слова почитается даже среди степняков.

Молодой асвар уже слышал о распрях между князьями — посланник не удивил его своим рассказом. Однако Ганбаатар никак не ожидал, что разногласия между белыми хесами¹, как их звали асварохи, зайдут настолько далеко, чтобы князья обратились к тем, кого держат за безголовых варваров. Они предложили соглашение. С их стороны: освободить

Триллум, открыть врата к Лесным угожьям, провести всадников напрямик до Борграда — городища, полного железа, коней и еды. Более того, некий Бормир взял на себя обещание оставить открытыми все врата стольного града, чтобы всадникам было проще действовать. Взамен требовалось лишь одно — убить Великого Князя и разбить его дружину.

Размышления не были долгими. При поддержке ханов и наперекор мнению своей матери, Ганбаатар собрал самую большую орду, которую когда-либо видело Приволье, и отправился к центральным землям Миридара.

Бесчисленная конница продвигалась быстро, точно бурная горная речка. Асвар отдал ханам приказ разделиться и один огромный табун разделился на три поменьше, а те, в свою очередь, разбились на еще более мелкие отряды. Вторжение началось. Пока центральные всадники продвигались к основным воротам, их отделившиеся товарищи огибали Борград с севера и юга, образуя клещи. Как и обещал Бормир, все врата оставались открыты.

Сеча началась еще до того, как наездники приблизились к массивному частоколу. Когда стражники, по приказу стрелцкого, начали закрывать ворота, на них напали. Это были воины без формы. Они рубили быстро, беспощадно. Каждый из них носил кольчугу и шлем, но никаких опознавательных символов не было — витязи, вышедшие из тени. Небольшие отряды неизвестных, но судя по движениям, очень умелых

воинов, появились, словно из ниоткуда, одновременно в разных углах городища. Таинственные мечники делали всё, чтобы не дать створкам града закрыться. Путь был свободен. Широкие, протоптанные тысячами сапог и копыт, улицы с готовностью приветствовали новых гостей.

Почти за две сотни сажень до частокола в дело вступили лучники. Асварохи, прямо с коней, волна за волной выпускали свои жалящие стрелы, которые с диким свистом вонзались в несчастных стражников на стенах. Стрелецкий велел дать ответный залп, но дальнобойность луков Борграда сильно уступала орудиям и навыкам кочевников, поэтому большая часть стражников на стенах полегла еще до того, как всадники вошли в зону досягаемости враждебных им стрел.

Часть всадников по приказу Ганбаатара замедлила темп. Конные стрелки в это время ускорились; не добираясь до стен они заходили на разворот, давали залп и возвращались обратно, чтобы освободить место для следующих стрелков. Они повторили свой маневр трижды. С трех сторон. Этого с лихвой хватило, чтобы зачистить стены от Боровой стражи и спокойно продвигаться внутрь города. Первая преграда на пути к линчеванию князя была сметена.

Тяжелый воздух бил в ноздри, дорожная пыль целилась в глаза, а ветер раздувал угольно-черные волосы молодого асвара, когда он сломя голову, точно одна из стрел его лучников, пронесся через ворота. Борова дружина, поднятая по тревоге, уже вооружилась опасными копьями и была готова

дать отпор.

Ловко обогнув копейщиков сбоку, Ганбаатар направил своего коня к пешим полкам и первым же ударом шотела² снес голову одному из дружинников. Железная буря начала свое смертельное шествие. Звон стали, треск древесины, ржание раненых лошадей и хрипы умирающих с обеих сторон воинов заполнили собой улицы. Всадники напарывались на копья, лошади падали с перерубленными сухожилиями, но асварохов было слишком много. На месте одного убитого появлялись двое новых. Они прибывали без остановки, лишь сбавляя темп, чтобы дать бой ратникам из Боровой дружины, а затем продолжали свое движение, разбредаясь по широким улицам стольного града — так вода заполняет собой муравейник во время потопа.

Очень быстро степняки погрузились в неистовство битвы: прыгали со своих скакунов, вступали в неравные сражения с дружиной, ломались в дома и вытаскивали из них местных жителей — убивали каждого мужа, что попадался им на глаза. Брали женщин силой.

Добравшись вместе с войсками до просторной площади, Великий Асвар резко развернул коня и едва успел увернуться от тяжелого меча, пролетевшего рядом с его головой. Князь Володар вступил в битву. Он вел за собой основные полки, присягнувшие ему лично. Эти воины двигались иначе. По их действиям сразу становилось понятно, что это закаленные в славных сечах витязи, которым стражники у стен

не годятся даже в подметки. Дружина действовала слаженно. Пикинеры пронзали коней, а мечники со щитами добивали всадников, легко прорубая кожаные доспехи. Коням негде было развернуться и асвар приказал воинам спешиться, но сам остался верхом. Так же, как и Великий Князь.

Они кружили по площади, попутно отбиваясь от нападков своих врагов, но не отрывали друг от друга глаз. Володар смотрел на степняка с холодным презрением. Шипастый венец покоился на его голове так, будто был выкован прямо на черепе. Резные кабаны на обруче скалились не хуже самого Боровича.

Ганбаатар ответил ему усмешкой. Узкие кожаные наплечники, расшитые конским волосом, едва прикрывали загорелое тело. Черные волосы, перехваченные у висков тонкими ремешками, длинными прядями спадали на грудь. Он сидел в седле не как правитель — как хищник, готовый к прыжку. Они сорвались с места одновременно.

Быстрые и подвижные асварохи ловко уворачивались от простых выпадов витязей, но и сами с трудом могли их ранить. Они не привыкли сражаться против тяжелых ратников в пластинчатых доспехах. На одного дружинника приходилось по три-четыре кочевника.

Продираясь через пыл сражения, правители направились друг другу навстречу. Ганбаатар увидел, как князь заносит меч и решил ранить ему ногу, но едва успел поднять свой серповидный клинок, чтобы отразить выпад меча из черно-

го золота. Звон стали. Лязг железа отдавался не столько в ушах, сколько в руке молодого асвара. До того тяжелым был удар, что плечо Ганбаатара, когда он попытался заблокировать удар Боровича, едва не вышло из сустава. Нужно было действовать осторожнее. Хитрее.

Еще раз обогнув площадь по внешнему кругу, асвар обезглавил несколько копейщиков и снова направился на Володара. В этот раз удар достиг своей цели, но из-за прочной защиты, не оставил на князе даже царапины. Быстро сообразив, Ганбаатар ловко развернул коня на месте и ударил князя по руке в незащищенное место. Борович зарычал и тут же ответил прямым уколом. Асвар увернулся. Нанес удар по ноге князя и чуть не лишился за это руки. Из-под рукава мягкого доспеха показалась струйка крови.

Они снова вступили в битву, отражая вражеские нападки. Двое пикинеров, стремясь защитить своего правителя, протиснулись между подвижными степняками и вогнали наконечники своих пик прямым в лошадиную шею. Гнедой конь дико заржал, встал на дыбы, скидывая своего наездника, и упал замертво. Ганбаатар стоял на земле. Ловкий наездник спрыгнул еще в тот момент, когда холодные наверхия оружия коснулись шкуры ездового животного.

Пикинеры, убившие степного скакуна, не успели перехватиться, как сразу пятеро асварохов располосовали их и лишили голов. Недолго думая, асвар ринулся в гущу сражения. Он низко орудовал своим шателом, перерезая дружинникам

связки, рая колени и сбивая их с ног. Остальное доделывали его воины. Он быстро добрался до Володара и понимая, что с земли князя не достать, асвар, уворачиваясь от тяжелых взмахов Железной Воли, сделал с конем Володара то же самое, что и с его витязями — лишил ног и опоры.

Лишенный ловкости своего противника, Борович упал на землю и оказался придавлен тяжелой тушей породистого ездового коня. Княжья дружина в мгновение ока окружила своего владыку. Они приняли защитную стойку, которая прямо говорила о том, что всех асварохов Приволья не хватит для того, чтобы пробить их строй — щит Великого Князя. Но асварохи оставались неотступны. С неистовой яростью они бросились на тяжелых витязей, размахивая своими клинками: клинки рассекали воздух, их владельцы теснили дружину, кто-то падал замертво, наступали другими и продолжали свою сечу, не желая сдаваться. Так шло до тех пор, пока степняки не остановились сами.

Ганбаатар видел, как витязи отражают очередную волну асварохов и с глазами полными уверенности и огня готовятся к следующей атаке. Но ее не было. Великий Асвар остановил бой. Степные воины не сразу поняли для чего им нужна передышка, но через пару мгновений, точно удивленные дети, они смотрели, как по воздуху плавают черные снежинки. Как медленно они парят в воздухе, словно в ленивом танце. Такие легкие, почти невесомые. С каждой секундой их становилось всё больше, и вот они уже образовали некое подо-

бие теневой завесы между асварохами и Боровой дружиной. Пелена тьмы. Она разрасталась, неизбежно подступая к воинам Приволья, пока те не начали тесниться назад. Мгновенье, неосторожная поступь и один из асварохов истошно завопил. Он стал махать руками, брыкаться, прыгать, точно ребенок ужаленный осой, когда пелена до него дотронулась.

На месте каждой снежинки, что прикасалась к телу, образовывались мерзкие водянистые пузыри. Они быстро начали разрастаться по коже и прожигать ее насквозь. Видя мучения своих соплеменников асварохи заторопились отдалиться к стенам, чтобы избежать контакта с неизвестной, несущей болезнь, пылью, но резко остановились, когда услышали ругань и крики со спины. Обернувшись, Ганбаатар понял, что пелена уже накрыла всё его войско. Обогнула и зашла с тыла. Когда это поняли все остальные, началась настоящая суматоха.

Кочевые племена спешили убежать от летающей в воздухе заразы: бросали оружие, прятались в переулках, пускались наутек, но темная завеса настигала каждого. Одного за другим она укутывала воинов в свои объятия, и те начинали корчиться в муках. Как только сажная снежинка попадала на кожу, эффект становился необратим.

Асварохи бились в агонии, отрубали себе части тел, ползали по улицам, но в итоге всё равно покрывались гнойными волдырями; их кожа отслаивалась от тел, мышцы превращались в нечто склизкое и бесформенное, а затем падали

на землю оголяя белые кости; кости постепенно крошились, обращаясь в прах. Хан Басаан умер прямо сидя на лошади. На глазах у своего умирающего сына. Одна смерть длилась не дольше, чем длится бег собаки, направляющейся от одного конца города к другому. Спустя короткое время все улицы Борграда были усеяны отвратительными останками тысяч убиенных: грязно-розовая жижа растекалась по дорогам и переулкам, а среди мертвецов покоились не только нападавшие, но и дружинники, стражники, и мирные жители. Лишь небольшой клочок пространства вокруг князя остался нетронут.

Великий Асвар Ганбаатар почувствовал, как его руки пронизывает боль холодного жжения. Он содрогнулся. Посмотрел на свои запястья, покрытые гнойными пузырями, ощутил, что жизненные силы покидают его жилистое тело, упал на колени и вспомнил предупреждения своей матери о белых хесах. Жаль, прислушиваться к ним было уже поздно. Асвар поднял голову и, направив последний взгляд в небесную высь, едва улыбнулся. В тот вечер небо было возмутительно чистым.

1. Хесы — общее обозначение чужаков не принадлежащим к асварохам

2. Шотел - обоюдоострый меч с двойным изгибом клинка. Серповидная форма меча предназначена для поражения противника за его щитом или копьем.

II

— В первую очередь нам нужно решить, куда дальше двигаться, — проговорил Рейм, облокотившись на земляной пригорок.

— Разве не наметили мы к стольному граду путь держать? — удивилась Мирина. Она сидела на траве и гладила исполинскую голову снежелисы.

— Это да. Но хорошо бы понять, где проходит тракт и как нам до него добраться, не угодив в лапы стражникам или, что еще хуже, под нож Совы.

— Погоди, — нахмурилась девушка, — не желаешь ли ты молвить, что дорога тебе не ведома?

— Не ведома, — буркнул следопыт, — я же тут никогда не был.

— А как ты собирался идти до..? Ты вообще думал, куда мы будем двигаться?

— Я даже не был уверен, что мы сбежим. Решил, что на месте разобраться будет проще. — Пожал плечами Рейм, и добавил: — к тому же я знаю, в какой стороне север, а там бы как-нибудь разобрался.

Княжна немного помолчала, а затем, аккуратно выбравшись из-под Вайды, которая устроила свою тяжелую голову на хрупких девичьих коленках, принялась отламывать ветку от иссохшей березы.

Рейм молча наблюдал за происходящим. Когда девушка наконец справилась с деревом, она расчистила небольшую полянку и подозвала к себе юношу.

— Гляди, — начала она говорить, водя палкой по земле, — я часто видела, как отец объясняет Савелию карты и их чтение. Кое-что запомнила. Ты обмолвился, что знаешь, где север?

— Там, — Рейм указал пальцем в сторону леса.

— Славно, — проговорила Мирина и поставила на земле неизвестный для юноши символ, — значит, в этой стороне у нас Верховинск. Обожди немного.

Очнувшись от дремоты Вайда сладко потянулась и перебралась поближе к Мирине и Рейму. Некоторое время она наблюдала за монотонными движениями деревянного «пера», но ей это быстро наскучило, и лиса отправилась в сторону деревьев.

— Она ушла? — отвлеклась девушка, оглядываясь на гигантского зверя.

— На охоту, наверное, — пожал плечами Рейм, — скоро вернется. Жаль, что нам она добычи не принесет.

— А хоть бы и принесла? Ты сам костер разводить запретил.

— Тоже верно. Закончила?

— Отчасти. В общем так, — начала Мирина, вспомнив свой нравоучительный тон, — сие град Верховинск, — указала она на неровный круг, — мы бежали из него с этой стороны — с северной. А тут, — ветка переместилась на длинную изогнутую полосу, — начинается Калевала. Граница идет по востоку вдоль гор. Но я даже примерно не знаю, где мы сейчас. Ты можешь это понять, ежели учесть время и сторону в которую мы двигались?

— Только очень примерно, — нахмурился юноша, — мы сбежали где-то к волчьему часу?

— Может чуть раньше. Но точно после часа мотылька.

— Когда мы добрались до речки, солнце уже немного поднялось, — тихо рассуждал юноша, — долго двигались вдоль леса, потом завернули, перешли речку. А реки ты нарисовать можешь?

— Одну, не более, и та на другом конце света от нас.

Рейм закусил губу и стал пристально вглядываться в импровизированную карту. Информации было не много. Он видел карту Калевалы в длинном доме, но никогда не обра-

щал на нее особого внимания. Чаще всего следопыт бродил по лесу, опираясь на знание местности, оставленные метки и собственное чувство направления. А теперь ему нужно было переложить все свои знания и умения на клочок земли.

— Думаю, мы здесь, — он сел на корточки и нарисовал пальцем небольшую область.

— Уверен?

— Нет конечно. Говорю же

— Хотя бы примерно, — перебила его Мирина.

— Да, — кивнул Рейм. — Если дорога до Калевалы занимает один летний день, то с нашим бегом и утренней остановкой мы должны быть где-то тут, — он еще раз ткнул пальцем в очерченную область.

— А почем тебе знать, сколько занимает дорога до Калевалы?

— Ты сама говорила, что твой брат с дружиной до границ ездил и в три дня обернулся. Вот я и прикинул.

— А ведь точно, — пролепетала княжна. — Но Рейм, это же просто здорово.

— Чем это?

— Так вот чем, — Мирина перехватила свой письменный инструмент и принялась царапать новые фигуры. — Это Зеленое — поселение, куда меня должны были довести после Дальнелиста. Он, если что вот здесь. А это, — девушка нарисовала три жирные черты: от Дальнелиста до Зеленого, от Зеленого до Верховинска и от Верховинска куда-то вниз, на

юг, — купеческий тракт, по которому обозы едут до Борграда.

— Получается, теперь мы знаем, в какую сторону идти.

— Даже лучше, — улыбнулась Мирина, — получается, что всю ночь мы в нужном направлении и шли.

— Ну почти. Если смотреть по этому По этой карте, то мы двигались на восток, а нам нужно сильно южнее.

— Нет-нет-нет, — княжна активно замахала свободной рукой, — сначала нужно попасть в Зеленое.

— Зачем?

— А до стольного града ты пешком идти собрался?

— Отчего же? Найдем аспида, оседлаем и двинемся по небу. Глядишь, Йоран и добраться не успеет, как мы его на полпути перехватим.

— Скоморох, — фыркнула Мирина, — мольблю ведь, меня в Зеленое ждут. Бабка у меня там. Она двор для гостей, да торговцев держит, и нас приютит, хоть бы и на время, а там... — речь девушки прервал неожиданный звук урчания в животе.

— И покормит? — ухмыльнулся Рейм.

— Это ты мне про еду напомнил.

— Ладно, — следопыт стер карту, не обращая внимания на короткие возмущения Мирины и закидал землю травой, — куда идти, я запомнил, а там видно будет.

— А Вайда?

— Сама найдет, — коротко ответил юноша, — всегда на-

ХОДИТ.

Они отправились в путь, когда солнце было в зените. Суровая ночь летнего севера уже давно сменилась душным днем и полным отсутствием ветра. Рейм шел уверенно, спешно. Казалось, для него это знакомая тропа по которой он гулял с самого детства. Мирине же дорога давалась заметно тяжелее. Стертые с ночи ноги до сих пор саднили, усталость то накатывала, то отступала, а тяжесть в спине и голодный желудок не переставали о себе напоминать.

— Всё бы отдала за кусок пирога с брюквой.

— Тебе есть что отдавать? — не оборачиваясь спросил юноша.

— Маракуша¹.

В какой-то момент они набрали на полянку морошки. Не меньше часа беглецы ползали в траве, собирая сладкую ягоду, чтобы отправить себе в рот. Сытным такой обед не назовешь: морошка — не мясо, не хлеб, но хотя бы отвлекла животы от постоянного нытья. Настроение немного поднялось.

К сумеркам деревья расступились, и взгляду открылась деревушка — вернее, то, что от нее осталось. Покосившиеся избы стояли с выломанными дверями, крыши провалились, обнажив стропила, похожие на ребра мертвого зверя, а заборы лежали втоптаные в грязь. Ни дыма, ни лая собак, ни человеческого голоса — только ветер, гуляющий сквозь пустые глазницы окон. Где-то на краю деревни сиротливо по-

скрипывала ставня на одной петле: звук тоскливый, почти плачущий. Рейм остановился. Что-то необычное витало над этим местом. Слабое, едва уловимое, но до дрожи знакомое ощущение.

Мирина подошла и оперлась на его плечо.

— Мара великодушная, — сказала она, тяжело дыша, — ты вообще не устаешь? — Девушка отдышалась и оглядела развалины. — Здесь никого нет.

— И уже давно.

Они осторожно прошли вперед. Улицы были усеяны щепой и обломками утвари: опрокинутые телеги, сгнившее в мешках жито, тряпичная кукла с оторванной головой. Кое-где на бревнах темнели пятна. Кровь? Но вокруг не было ни одного тела. Ни одной кости. Словно жители просто растворились.

— Не похоже, что они сами ушли, — проговорила Мирина, заглядывая в одну из изб, — все пожитки на месте.

Рейм не ответил. Пройдя вперед, он остановился у небольшой площади, посреди которой возвышались три деревянных идола. Время лишь слегка обглодало их лики. Один, с солнечным диском в руке, глядел на восток — туда, откуда приходят снега и метели; второй, с молотом, на запад, где садится солнце; третий, женский, с венком из колосьев, — прямо на Рейма. Глаза у идола были пустые, но от этого взгляд казался еще более пристальным. Юноша слегка поежился.

— Ярило, Сварог и Макошь, — тихо проговорила Мирина. — Великие аспекты Прави, что блюдут за покоем на наших землях.

— Значит Борова дружина бы их не тронула?

— Нет. Но на следы брани сия картина вообще не походит.

— Да и буревики бы не оставили аспектов целыми.

Они замолчали. Рейм прислушивался к себе. На языке появился знакомый горьковатый привкус — слабый, едва ощутимый, но до тошноты противный. Он сплюнул, надеясь избавиться от горечи. Она не ушла. Держалась на корне языка, тонкая, как паутина, и такая же липкая.

— Идем. Здесь делать нечего, — твердо сказал следопыт и сделал шаг в сторону выхода из деревни.

— Стой, — Мирина схватила его за рукав, — солнце скоро сядет. Некоторые дома выглядят весьма прилично, может лучше заночуем в одном из них?

— Нет, — отрезал Рейм, — надо идти дальше.

— Куда? — она задала вопрос так громко, что Рейм невольно напрягся и приложил палец к своим губам. — До Зеленого еще два дня пути, ты сам сказал. Мы целый день двигаемся без передышки, не спали со вчерашнего утра, почти ничего не ели и не пили. В тебе, может, и течет кровь велетов, но во мне нет! Я устала, у меня всё болит, а ноги стоптаны в кровь.

Юноша внимательно осмотрел ее: светлые волосы девуш-

ки сбились в колтун, под глазами залегли серые тени, подол некогда красивого платья превратился в грязные лохмотья, стоптанные до дыр поршни едва держались на ногах. Сквозь прорехи виднелась пропитанная кровью тонкая ткань онучей. Княжна стояла, чуть покачиваясь, перенеся вес на левую ногу. В уголках глаз блестела влага, которой она упрямо не позволяла пролиться.

— Мирина, — как можно мягче начал Рейм, — я знаю, что тебе тяжело. Но поверь мне, здесь оставаться нельзя. Потерпи еще немного и я обещаю, что мы отдохнем. Даже разведем костер. Только давай уйдем отсюда.

Девушка хотела возразить, настоять на своем, но слова застряли в горле. Что-то в его голосе заставило послушаться, довериться. Сделать так, как он говорит. Страх? Может быть. Сложно было понять наверняка.

— Ладно, — тихо сказала она, опуская голову. — Идем.

Они покинули мертвую деревню, не оглядываясь. Вайда проводила развалины долгим взглядом, еще раз прошлась вдоль улиц, обнюхивая округу, и бесшумно двинулась следом.

Они шли, пока сумерки не сгустились в ночь. Дорога далась тяжело. Рейм шагал быстро, почти бежал, и Мирина едва поспевала. В висках у нее стучало. Наконец юный охотник остановился у подножия старого дуба — могучего, в несколько обхватов, с корнями, что уходили в землю, обра-

зую что-то вроде неглубокой землянки. Ветви нависали шатром, прикрывая от росы и случайного взгляда. Защиты мало, но лучше, чем ничего.

— Здесь, — произнес он, — не княжий терем, но и не сырая клетка.

— Ага, просто сырая земля, — огрызнулась Мирина.

— Можешь поискать место получше.

Девушка ничего не ответила, и отвернулась в сторону.

— Думаю можно развести костер. Мы далеко ушли, пого-ни не было слышно с самого побега. Если дым и увидят, вряд ли успеют добраться до рассвета. А без костра мы замерзнем.

С последними словами Рейм вдруг понял, что шрам на руке перестал гореть. Он удивился. Юноша даже не обратил внимания, когда жжение началось: случилось это еще утром или только по приходу в деревню? В любом случае, теперь, ощущая, как спадает жар его пламенной крови, он резко начал понимать Мирину. Ноги стали тяжелыми. Казалось, он прошел не меньше двух дюжин верст — оно почти так и было — спину заломило, а голову окутал туман усталости. Ему захотелось просто сесть и немного отдохнуть.

Но расслабляться было рано. Рейм оторвал длинный лоскут от края своей и без того изодранной рубахи, скрутил ткань в жгут, нашел прямую палку, некое подобие ровной доски, немного сухостоя и принялся тереть. Размеренно, плавно, но методично быстро. Мирина смотрела, как двигаются его руки. Мышцы на предплечьях перекачивались под

кожей, на лбу выступила испарина. Прошло несколько минут. Потом еще несколько. Рейм не останавливался. Наконец показался дымок — тонкий, почти прозрачный, следопыт бросил в основание палки немного сухой травы и продолжил тереть. Скоро показался крошечный язычок пламени, жадный и дрожащий. Юноша подул на него, и костер ожил.

Тепло растеклось по телу. Мирина впервые за долгое время почувствовала, как напряженные мышцы немного отпускает. Она наклонилась на толстые дубовые корни и прикрыла глаза. Всего на мгновение, просто чтобы дать им отдых.

— Не спи пока, — негромко сказал Рейм. — Сначала согрейся. Я схожу за хворостом, а потом посмотрю за костром.

— Ты разве спать не хочешь?

— Пока нет, — соврал он, — разбуду тебя к середине ночи.

Вайда устроилась недалеко, свернувшись огромным серым клубком — шерсть полностью сменилась на летнюю. Ее рубиновые глаза следили за языками пламени, а уши были расслаблены. Снежелиса казалась неотъемлемой частью ночи: огромная, молчаливая, спокойная.

Когда Мирина почти задремала, из темноты донесся шорох, едва различимый среди треска веток в костре. Беглецы обменялись взглядами в тревожном ожидании. Вскоре на границе света и тени возникла маленькая, сгорбленная фигурка ростом с ребенка, но с морщинистым лицом и невероятно большими глазами — они занимали половину голо-

вы. Существо было одето в лохмотья, сплетенные из травы и мха, а на голове покачивалась шапка из сухих листьев. Оно подошло к костру на полусогнутых ногах, покосилось на Вайду, на Рейма, на Мирина, — и протянуло руку. Пальцы у него были длинные, узловатые, как веточки, и слегка подрагивали.

Мирина подобрала под себя ноги. Рейм положил руку на ближайшую ветку. Вайда подняла голову, смерила существо взглядом, а затем зевнула, показав белоснежные клыки, и снова прикрыла глаза.

— Подожди, оно не опасно, — прошептала Мирина. — Бабка про таких сказывала. Сцити², кажется. Они безобидны, если их не злить. Просто просят еды.

— У нас нет еды, — глухо ответил Рейм.

— Тогда дай ему что-нибудь другое.

— Что?

Мирина помедлила. Затем оторвала крошечный кусочек окровавленной онучи — просто нитку, не больше — и протянула сцити. Существо взяло подношение, обнюхало, покрутило в пальцах. Сунуло в рот и пожевало — сосредоточенно, как ребенок, пробующий незнакомую еду. Немного погодя оно поклонилось и бесшумно исчезло в темноте. Будто его и не было.

— Занятно, — протянул Рейм, — я его едва почувал.

— Разве он чем-то пах?

— Да нет. То есть — юноша замялся, — просто, обычно

я знаю о таких тварях заранее.

— Это ж как?

Он вздохнул перед тем, как начать говорить:

— На самом деле я не знаю точно, что это — дар или проклятье, и откуда оно у меня, но когда кто-то из таких существ рядом, я чувствую необычный вкус. — Мирина с интересом смотрела на собеседника и не перебивала. — Вкус у всех разный. Например Вайда, — ухо лисицы дернулось, — ощущается, как что-то кисло-сладкое. Похожее на калину или кисель из клюквы. И для меня это самое приятное ощущение, — с улыбкой сказал юноша. — А если монстр злой и хочет напасть, то во рту появляется горечь. Иногда до тошноты.

Девушка явно была озадачена внезапным откровением и не находила слов для ответа. Глядя на нее невозможно было сказать наверняка: испугалась она или просто в замешательстве.

— Должно быть думаешь, что я лишился рассудка? — спросил Рейм после недолгого молчания.

— Что? — вопрос вернул Мирину к реальности. — Рейм, мы только что угостили лесного духа кусочком тряпки, чтобы он ушел. Ежели ты лишился разума, то я вместе с тобой. — Девушка усмехнулась и следопыт ответил ей тем же.

Некоторое время Рейм рассказывал о своей необычной способности, о встрече с Вайдой, затем с криксами, блудничками. Признался, что рожденные Навью создания, по неизвестной причине, тянутся к нему, как пчелы к улью. Он не

упомянул только калбея. Словно даже разговоры об этой твари могли навлечь на них беду.

Сон как рукой сняло. Костер потрескивал, выстреливая в темноту снопами искр. Пламя отбрасывало на лица оранжевые блики, и в этом свете Мирина выглядела старше своих лет — не девушкой, а молодой женщиной, у которой за плечами слишком много горьких событий. Как и у него. Рейм смотрел на нее и думал о том, как странно устроена жизнь: еще недавно он и не знал о ее существовании, а теперь она сидит рядом, полагается на незнакомца и молча смотрит в огонь.

— Рейм, — сказала она негромко, — мы поэтому ушли из деревни?

Он не совсем понял вопрос. Или сделал вид, что не понял, но продолжил озадаченно смотреть.

— Ты почувствовал там что-то недоброе? — уточнила Мирина.

— Можно и так сказать.

— Понятно. Мог рассказать сразу.

— Сказал теперь.

Она снова недолго помолчала.

— Я тоже хочу тебе кое-что рассказать.

— А в рассказе будут сие дивные словеса да диковинные речи с земель родимых? — с легкой издевкой спросил Рейм.

— Высокое Слово — дань традициям и памяти предков.

Оно говорит о роде человека и полноте его ума, — серьезно ответила княжна. — Но ты прав, сейчас оно ни к чему. К тому же я слишком устала, чтобы выбирать слова.

— Тогда я готов тебя слушать.

— Всё началось с письма от моего батюшки. Еще до того, как я отправилась в Борград, ко мне прилетела пустельга с посланием. В том письме он писал о войне. О том, что Володар разрушил Моранск, что князь идет на север, и что доверять никому нельзя. Сестры об этом не знают, но на самом деле я сама попросила мачеху, поскорее отослать меня в столицу — не хотела накликать беду на них. Батенька уже тогда знал, чем всё это обернется. Он никак не подписался, не давал никаких намеков на себя или нашу ветвь, даже окольцевал птицу чужим знаменем, но видимо почтарку кто-то перехватил и обо всём догадался. Поэтому нашу семью обвинили в измене, а в город направили дружину.

В этом же письме он отправил меня к бабушке. Написал так, чтобы поняла только я, и всё же

— И всё же?

— Он ведь и обо всём остальном писал тайно, но Борович всё равно об этом узнал. Ты согласился идти со мной в логово ненасытного монстра, Рейм. И ты должен знать, что это опасный путь, намного более опасный, чем могло показаться изначально. Меня будут искать. Всю семью, возможно казнят, а значит и меня с ними. И если ты будешь рядом, то разбираться никто не будет, так что твоя голова вполне

может оказаться на пике рядом с моей. Поэтому, если ты не захочешь идти со мной после Зеленого, я это пойму.

Рейм глубоко вздохнул и подкинул хворост в костер.

— Жути-то нагла, чуть ли не до мурашек. Ты уже забыла, что мне тоже нужно кое-кого найти в Борграде? А твои друзья, как ты сказала, могут помочь. К тому же, нас ведь обоих ищут.

— Ты опять меня не слушал? Молвлю ведь, что семью казнить могут.

— Как и Йорана. Об этом я уже успел хорошенько подумать, пока мы сюда шли. Времени было достаточно.

— И ты не передумал? Мы даже не знаем, точно ли это твой наставник.

— Народ Калевалы не слишком любит покидать свои места, а среди южан, как я понял, это имя довольно редкое.

Мирина кивнула головой, соглашаясь с Реймом.

— Давай так: я сделаю всё возможное, чтобы помочь тебе добраться до стольного града целой и невредимой, а ты взамен договоришься со своими родными, или их друзьями, чтобы они помогли найти и освободить Йорана. Как ни крути, ты княжна и твое слово кое-что да значит. В итоге мы оба вернемся к своим родным.

Она немного подумала, а затем поднялась на колени, плюнула на ладонь и протянула Рейму. Тот застыл в замешательстве.

— Давай, — поторопила она юношу, — батенька мой все-

гда так делал, когда с кем-то, о чем-то договаривался.

Следопыт недоверчиво повторил за Мириной и пожал ее худенькую руку. Они с улыбкой посмотрели друг другу в глаза и в этот миг пламя костра полыхнуло ярче — порыв ветра качнул кроны, и огонь взметнулся вверх. Отсвет упал на золотистую радужку княжны, и Рейм увидел то, чего не замечал раньше. В ее глазах, на долю мгновения, вспыхнул настоящий шторм — крошечный, но живой: вихрь искр и света принялся бушевать на поверхности ее глаз.

Велет замер. Прошло мгновение, и глаза Мирины снова стали обыкновенными девичьими глазами редкого цвета. Он ничего не сказал.

Близился час совы, а уснуть они так и не смогли.

— Мирина, — Рейм снова добавил пищи для пламени, — а как ты узнала, что письмо было для тебя? Отец ведь не оставил подпись. Или ты знаешь всех птиц в лицо?

— Хм? — кажется девушка всё-таки задремала. — А, ты об этом. Нет, конечно, я вообще не сильна в птицах. Просто в письме батюшка обращался ко мне Буреглазка. Он с самого детства так меня звал, и об этом никто кроме нас не знает. Сначала он сам обращался ко мне лишь тайком, видимо не хотел выделять, среди других — остальных-то он звал по имени. А потом я сама начала таить это прозвище. Мне почему-то очень нравилась мысль, что у нас есть что-то только для нас двоих. Что-то, о чем знаем только мы. Казалось, так мы становимся ближе.

Рейм слушал и внимательно смотрел Мирине в лицо, но когда она ответила на его взгляд, он лишь улыбнулся, понимающе качнул головой и начал пристально изучать звезды на ясном небе — холодные, далекие, равнодушные.

Вскоре Мирина начала засыпать. Вайда подошла ближе, улеглась рядом, и ее теплое дыхание согревало бок. «Быстро они сдружились», — подумал Рейм и, подобрав к себе колени, сел поближе к костру.

Кария Сова провела ладонью над золой — холодная. Остыла давно, еще вчера. Она сидела на корточках, внимательно изучая землю вокруг. Следы. Двое. И кто-то еще. Крупный зверь? Следов сражения или бегства не видно. Странно. Но это точно они.

Охотница за головами поднялась на ноги, втянула воздух и посмотрела на юго-восток — туда, где скрылись беглецы. Тонкая улыбка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.